

Цатурян Марина Мартиросовна, Пелипенко Любовь Михайловна

ОБРАЗНО-СИМВОЛИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ ONE, TWO, THREE (ОДИН, ДВА, ТРИ) В АНГЛИЙСКОЙ И РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ

Статья посвящена изучению культурных, символических и прочих характеристик числительных one, two, three (один, два, три), свойственных им в процессе мифологической стадии общественного развития, что максимально сохранилось в текстах традиционного формата и фразеологии. Когнитивный подход к анализу числа как одной из констант мировой культуры, представляющей собой логический и культурный феномен, позволяет выявить его концептуальные характеристики, а также особенности взаимоотношения языка и культуры. Анализ и выявление образных характеристик, связанных с интерпретацией чисел, их национальным своеобразием, наглядно демонстрирует то, как символика отражается в языке и фразеологических единицах анализируемых лингвокультур.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2017/5-1/46.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 5(71): в 3-х ч. Ч. 1. С. 166-170. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2017/5-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

SOUTH SLAVISMS IN THE ANCIENT TRANSLATION OF THE COMMENTING GOSPEL OF THEOPHYLACT OF OHRID

Fedorova Ekaterina Viktorovna
Lomonosov Moscow State University
e_todorov@mail.ru

In the ancient translation of the Commenting Gospel of Theophylact of Ohrid both Eastern Bulgarian lexemes are represented, which are typical of the ancient Russian usage, as well as pre-Slavisms, alien to the Eastern-Slavic usage, which brings this translation together with some other pre-Mongolian translations containing both lexical South Slavisms and Russisms.

Key words and phrases: Commenting Gospel of Theophylact of Ohrid; commenting translations; Pre-Mongolian translations; Old Slavic translations from Greek; lexical South Slavisms.

УДК 8; 81

Статья посвящена изучению культурных, символических и прочих характеристик числительных one, two, three (один, два, три), свойственных им в процессе мифологической стадии общественного развития, что максимально сохранилось в текстах традиционного формата и фразеологии. Когнитивный подход к анализу числа как одной из констант мировой культуры, представляющей собой логический и культурный феномен, позволяет выявить его концептуальные характеристики, а также особенности взаимоотношения языка и культуры. Анализ и выявление образных характеристик, связанных с интерпретацией чисел, их национальным своеобразием, наглядно демонстрирует то, как символика отражается в языке и фразеологических единицах анализируемых лингвокультур.

Ключевые слова и фразы: образность; образная мотивировка; число; нумеративные ФЕ; числительные; лингвокультурология.

Цатурян Марина Мартиросовна, д. филол. н., профессор
Пелипенко Любовь Михайловна
Кубанский государственный университет, г. Краснодар
tsaturyan.mm@mail.ru; lyboff07@mail.ru

ОБРАЗНО-СИМВОЛИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ ONE, TWO, THREE (ОДИН, ДВА, ТРИ) В АНГЛИЙСКОЙ И РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ

Образ как предмет лингвокультурологических исследований предусматривает включение в оценочную парадигму определений, в которых культурные сведения презентованы в виде языковых единиц: культурные семы, культурные концепты, культурный фон и культурные коннотации. Самое большое значение для изучения образа в лингвокультурологии имеют культурная традиция, менталитет, язык культуры, культурные ценности, основные культурные концепты, установки культуры и ментальность. В. А. Маслова объясняет ментальность как «миросозерцание, заключенное в основных формах и концептах родной культуры языка, сочетающее в себе определенные волевые черты, мировоззренческие и интеллектуальные в основных его выражениях». Ментальность, в общем, представляет собой некоторый уровень социального самосознания, на котором мысль от сознания не отделяется [8, с. 49].

Менталитет как отражение внутренней системности и дифференциации ментальности – это совокупный склад и состав народной души и ума, национального значения «психо-лингво-интеллект» культуры. Менталитет детерминирован экстралингвистическими и языковыми принципами (культурными, социальными, экономическими, географическими и т.д.). Наряду с этим отметим, что национальное мировоззрение репрезентировано на уровне доверчивых, языковых общественных отношений, но не концептуальных.

Важнейшим фактором в плане анализа образа как лингвокультурного феномена является отображение культурных традиций как обобщенного своеобразного явления, что способно эксплицировать групповой опыт в качестве стереотипов, накапливаемых и воспроизводимых социумом. В качестве смежной категории выступают культурные установки – идеалы, с помощью которых личность способна вырабатывать достойные / недостойные черты своего характера. Они воспроизводятся в процессе всего исторического пути социума и конкретного народа, которому в социальной памяти принадлежит важное место, что делает возможным формирование основных культурологических установок.

В составе образа культурное достояние обладает смыслообразующим значением, потому что оно является информацией о народных ценностях, зафиксированных в языке, позволяет сделать перспективное заключение о менталитете народа, а также этнокультурной специфике. Как правило, категории культуры обуславливают работу культурных коннотаций так же, как интерпретации образной, денотативной и мотивированной стороны значения концепта либо образа.

Оценка и анализ образа не могут происходить без рассмотрения основных культурных концептов: «ядерных (основополагающих) единиц мировоззренческой картины, обладающих экзистенциальной значимостью, для отдельных языковых личностей и в общем для лингвокультурного социума» [Там же, с. 50].

Итак, с помощью оценки образа, учитывая корреляции разных представлений лингвокультурологической парадигмы, формируется помещение этого термина в сферу языка культуры как своеобразного кода. Образ в качестве лингвокультурного прецедента можно адекватно сформировать через призму изучения аксиологических систем исторической эпохи и конкретных ее маркеров, представленных в конкретных образах. Обоснованность такого подхода может формировать представление о лингвокультуре в смысловом и ценностном пространстве языка как о практической и теоретической лингвокультурологической доминанте [1, с. 99], вследствие чего личность в лингвокультурологии лучше всего описать с помощью систем ценностных направлений. Подобные векторы анализа помогают поместить образ в границы культурного когнитивного пространства: оценивание аксиологических концептов, которые подлежат интериоризации с помощью образа, концептуального простора образа художественного отражения личности, главных характеристик концептов, являющихся конститuentами обличия. Исследования образа в лингвокультурологических перспективах являются актуальными, так как помогают определению взаимонаправленности движений понятий «образ – язык»: образ при этом считается продуктом культуроспецифичного взгляда на реальность, находя свое отражение в языке; на изучаемом историческом этапе своего развития у языка были детерминированы главные признаки экспликации его образа.

Функциональные отличия образа заключены в следующем:

1) выделяют эмотивно-оценочную функцию образа, основанную на способности его к символизации и эвоцированию в сознании социально релевантных оценок;

2) считаясь своеобразным «аккумулятором» импликаций, которые связаны со сферами преимущественно его функционирования, выступает в роли символа данных сфер и благодаря этому имеет символическую функцию, проявляется в виде «преимущественно знаковых, вербальных форм» [2, с. 19].

Выбор одного либо другого мотива-образа связан с пониманием мира субъектом, с картиной его мира. Ассоциативно-образное представление является внутренней формой фразеологизма либо слова. Изучение внутренней формы необходимо для когнитивной лингвистики с целью исследования лингвокреативных процессов в мышлении. Для когнитивной лингвистики внутренняя форма выглядит как «эталон или квазистерейотип некой ситуации, переключаясь с фразеологическими или лексическими пресуппозициями» [10, с. 173].

Числа составляют элементы особого числового кода, с помощью которого описывается Вселенная, человек и сама система метаописания. Числовой код пронизывает любую культуру, систематизируя и группируя накопленные знания этноса, «передавая из поколения в поколение национальную числовую символику. В архаических культурах числа являлись сакральным средством ориентации и космоизации Вселенной. В древних мифопоэтических традициях число было не только образом мироздания, но служило моделью его периодического восстановления» [12, с. 134].

Некоторая часть лингвистических исследований, отведенных вопросам когнитивного потенциала, а также семиотического статуса чисел, построена на базе поиска языковых способов выражения категорий количества, а также изучения полей количества в языке.

Наиболее продуктивными в символизации являются числительные первого десятка, особенно *one, two, three / один, два, три*. С усложнением морфологической структуры числительных снижается активность их употребления, о чем свидетельствует ограниченное количество составных числительных, обладающих национально-культурной семантикой. Имена числительные активно участвуют в формировании ФЕ, «формируя тем самым большой пласт ФЕ. Причины фразеологической активности числа компонентов-числительных кроются в характере проявления значений большинства их в составе ФЕ и истории возникновения счёта» [Там же, с. 137].

Преследуя задачу рассмотрения нумеративного компонента как семиотического знака в составе ФЕ английского и русского языков, отметим, что выделяются две главные тенденции, которые характеризуют современную лингвистику: с одной стороны, к ее целям относится приемлемое описание и интерпретация конкретных языков с упором на их характерные особенности, с другой – очевидно стремление лингвистов изучить с типологической стороны языковые понятия на всех языковых уровнях. Представленные тенденции выявляются также при исследовании лексической и фразеологической структур языков мира [9, с. 8].

Совершенствование фразеологии в существенной степени обуславливается углубленным исследованием различных категорий фразеологических единиц, которые выделяются во фразеологической структуре языка на основании ведущего параметра: семантического критерия (плана содержания), структурного критерия (плана выражения), типологического критерия (внутренняя форма) и так далее.

В отношении английской и русской культур существует, как отмечалось выше, богатая традиция изучения культурно-типологических свойств понятия числа. Этот аспект имеет очень большое значение при рассмотрении когнитивно-семиотических особенностей числительных в каждом из рассматриваемых языков, вследствие этого применима общая культурологическая информация при семантическом анализе фразеологизмов с числительными *one, two, three* и *один, два, три*.

Рассматривая русскую культуру в качестве наиболее близкой для нас и детально описанной в литературе, отметим, что русская народная духовная культура стремится в основном к слову, а не к числу. Несмотря на это, она пропитана числовым обозначением, которое проявляется в сказках, былинах, христианских преданиях. Наличие чисел в ней просматривается повсюду, и практически всегда они выступают в роли священных и глубоко символических.

Число *один* появляется в русской духовной культуре особенно редко. Однако существует образ воина, выезжающего в «Чисто Поле», чтобы бороться с врагами один на один. Чисто Поле является русским названием информационно-энергетического поля, которое является персональным или глобальным, и в этом смысле рассматривается в изучении ноосферы. Соответственно, данный образ можно объяснить в качестве стремления к духовному возрождению, которое может иметь место только при условии, что человек является носителем Духа, сильной личностью. Особенность индивидуальности, самодостаточности выделяется значением числа *один*. Также в летописных записях и древних преданиях имеются обозначения копья и единорога, которые говорят об особенном значении данного числа, объединенном с принципом изначальности, неразрывности, несвязанности и организующей силы.

В. Н. Топоров определяет особенности значения числа *один*, считая его не столько первым знаком ряда в современном понимании, сколько целостностью, единством. Совершенная неделимость, которая понимается в качестве единицы, разъясняет отнесение числа *один* к таким образам данной абсолютной неделимости, как Бог или космос [11].

Т. И. Вендина, проводя изучение единицы в старославянском языке, приходит к такому итогу: *один* является знаком Бога и применяется в качестве обозначения целого, одной сущности, утверждая, что *один* является не только целым, но также общим. Свойственна также синтагматика данного числительного, которое во всех указанных сложных обозначениях (единство, единение; единодушие, согласие) играет роль определения основного слова, то есть тех отдельных понятий (суть, естество, душа, ум и другие), которые считаются признаками Бога [3, с. 269-270].

В Древней Руси единица, как и десятка, символизировала совершенство [4, с. 81]. Краткое представление этого числа присутствует у М. М. Маковского: *единица* является обозначением вертикально стоящего человека, а также творческого начинания, силы, доблести, энергии, красоты, превосходства, знаком Вселенной, Бога, любви, удачи, целомудрия, справедливости [7, с. 390].

Как показывает лингвосомиотический анализ отобранных из лексикографических источников английских и русских нумеративных ФЕ, числа в составе фразеологизмов становятся элементами особого кода, с помощью которого описывается и сам человек, и окружающий его мир. Так, во многих анализируемых ФЕ с числовыми компонентами *one / один* мы наблюдаем, как в семантическую структуру ФЕ привносятся значения «единственности», «одинокства», которые представляются как основные, символические. Эти значения реализуются во фразеологизмах *one and the only* – единственный, уникальный; *one in a thousand* – редкий, один на тысячу; *have one-track mind* – заикнуться, думать про одно и то же; *один как перст* – в полном одиночестве, без друзей и родни; *одна радость в глазу* – единственное утешение, отрада; *один-одиношечек* – в полном одиночестве, без помощи и поддержки [6; 13].

Суть и значение двойственности в общем не являются характерными для русской культуры (возможно, кроме образа Двуглавого орла), а в Священном Писании число *два* является обозначением некоего основополагающего (*две* скрижали Декалога, *два* столба у врат Храма, Закон и Пророки и так далее). Однако в язычестве наличие двойственности значительно проявляется, к примеру, в образах Белобога и Чернобога, Ивана и Купалы, которые олицетворяли собой две половины года. Идея четных и нечетных чисел отображала соответствие правого и неправого начал. В мифологии славян распространена идея борьбы начал Жизни и Смерти, Правды и Кривды, живой и мертвой воды.

Когнитивный потенциал двойки находится в основании бинарных противопоставлений, при помощи которых мир описывается с помощью мифопоэтических и ранних научных обычаев. Он восходит к идее дополняющих друг друга элементов монады (мужской и женской в качестве определений пола; небо и земля, день и ночь в качестве значений, принимаемых пространственно-временной космической системой), к парности, в особенности в таких ее признаках, как четное количество, двойственность, близнецство.

В индоевропейской культуре *два* являлось символом любого противоречия (создатель и его создание, мужское и женское, белое и черное, материал и дух, земной и неземной мир, день и ночь и прочие), антагонизма, а также злого начала; *два* отсылает к концепции совместного существования дополняющих друг друга элементов: дня и ночи, мужского и женского и тому подобных [7, с. 390].

Соотношение единицы и двойки воссоздается по данным ведийской культуры. Концептуальные характерные черты числа *два* здесь выступают, с одной стороны, в качестве символа противопоставления, классификации и связи, а с другой стороны, в качестве символа соответствия или гомологичности противоположных членов. Ввиду данных особенностей *два* является первоначальной монадой, которая оберегает человека от небытия и соответствует творению – небу и земле, тем, кто родился в одном гнезде. Сказанное о значении *один* и *два* поясняет, почему в нескольких культурных традициях *один* и *два* (а иногда лишь *один*) не рассматриваются в качестве чисел (подобные слова часто оформляются по-другому, нежели прочие числительные) [11].

Отрицательная характеристика распада и разделения на члены наблюдается в картине мира средневековых людей: число *два* представлялось им в качестве раздвоенности, неустойчивости, которая образует колебания и заставляет сомневаться [3, с. 271].

Самым высоким знаком парности, двойственности считается пара отец-мать, то есть мужчина-женщина в виде закона природы, продолжения рода и социальной жизни. Возможно, именно это и предполагалось под диадой в качестве альянса женского и мужского творческих элементов, в качестве производительной и возрождающей духовной силы.

В математическом понимании *два* является или объединением двух конкретных частиц, или разделением единицы на *две* части. Отсюда появляется придание определенного значения когнитивной составляющей –

разделения на члены целого, которое входит в состав единого понятия числа, а также общность разделенного на части при ассоциации с числом *два* объединения души и тела, которое является условием для существования жизни. Из-за этого их объединение рассматривается в качестве добра и счастья, двойственности, а распад данного единства – в качестве зла и несчастья. В русском языке *двойка* считается бесовским числом, «нечистым» в силу обозначения четности: *Черта с два!*

Числительные *two / два* во многих ФЕ символизируют раздвоенность, отсутствие единства, противоположность. Семантика многих ФЕ с этими компонентами связана с деятельностью человека, характеристикой сложившейся ситуации, например: *fall (sit) between two stools* (букв. упасть (сидеть) между двух стульев) – сесть между двух стульев; *swim between two waters* (букв. плыть между двух вод) – лавировать между двумя крайностями, колебаться между двумя мнениями или решениями, соблюдать нейтралитет [13]; *гнаться (погнаться) за двумя зайцами* – стремиться выполнить два разных дела, достичь двух различных целей; *действовать на два лагеря* – поступать как двурушник; *жечь свечу с двух концов* – ухудшать ситуацию, совершая одновременно два действия, имеющие пагубные последствия [5].

По проведенному анализу можно увидеть, что русская культура является насквозь троичной с точки зрения символики чисел. Это выражается и в признании одного из высочайших христианских понятий Троицы, и в дохристианских русских знаках и понятиях, таких как культовые изображения *трех солнц, трех коней*, которые расположены на крышах нескольких домов в форме вырезанных фигурок из дерева, образ Трояна из «Слова о полку Игореве», которого множество авторов ассоциировали с Триглавом, *трия сферами* (небо, вода и земля).

Являясь многозначным библейским символом в христианском понимании, число 3 знаменует Божественное Троиединство, символизирует мировую структуру (*три* области Вселенной: небо, земля, преисподняя и соответствующее деление Скинии и Храма на три части; *три* категории твари: неживое, живое, человек, – обозначенные как вода, кровь и дух) и указывает на важные периоды в истории спасения.

У большого количества народов достаточно длительное время пределом счета являлось число 3. Оно считалось обозначением полноты, совершенства: у древних греков оно являлось счастливым, а в Древнем Вавилоне начали поклоняться именно *трем* богам: Солнцу, Луне и Венере. *Тройка* стала самым любимым числом в сказках и мифах. Его магическая сила состояла в том, что оно создавалось из суммы предшествующих чисел ($3=1+2$) и обозначалось треугольником, который является символом прошлого, настоящего и будущего.

Число *три* имело существенное значение в магических обрядах. Различные заклинания для придания большей силы необходимо было произносить именно три раза. Чтобы избавиться от сглаза, необходимо *трижды* плюнуть через левое плечо и *три* раза постучать по дереву, по русскому обычаю поцелуй совершается *трижды*. В разных легендах и преданиях сохранились действия, которые выполнялись *три* раза: например, успеха можно было достигнуть с третьего раза.

В легендах тоже просматривается когнитивное обозначение числа *три*, в виде примера приводится сказание о том, что Земля стоит на *трех* китах. Дух триединства проявляется во всем и везде, к примеру: а) составляющие части времени: прошлое – настоящее – будущее; б) трехмерное пространство: длина – ширина – высота; в) *три* ответвления жизни: животные – растения – микроорганизмы; г) *три* эпохи в истории: древний мир – средние века – современность; д) *три* основных этапа в жизни человека: молодость – зрелый период – старость; е) у человека есть *три* главные силы: мыслительная – двигательная – эмоциональная; ж) *три* умственных проявления человека: интуиция – инстинкт – интеллект; з) длительность жизни на земле: женское начало – мужское начало – новая жизнь. Как известно, Земля является третьей планетой в Солнечной системе по расстоянию от Солнца.

Согласно некоторым исследованиям, число *три* является одним из самых значимых, если не во всех, то во многих мифологических системах, оно представляет собой идеальную модель любого динамического процесса, предполагающего возникновение, развитие и упадок.

К *тройке* в обоих языках особое отношение: она символизирует абсолютное совершенство и завершенность, олицетворяет решение конфликта. *Третий лишний* – о ком-то неуместном в ситуации, где присутствуют двое; *третье поколение* – внуки, *three souls* – «три души» (по учению метафизиков, в человеке объединены три начала, свойственные растениям, животным и разумным существам); *Бог любит тройку* (посл.) – что-либо возможно или неизбежно в третий раз; *When three know it, all know it* (посл.) – то, что известно троице, известно всем. Фразеологизмы с этим числовым компонентом характеризуют человека, его положение в обществе, ситуацию [5; 13].

Таким образом, число – это не только абстрактная структура, потенциальная диалектика различных категорий внутри одной сущности, это многоаспектное понятие, которое свои основные свойства реализует посредством языка.

В данной статье в качестве языкового материала представлены числительные *one, two, three / один, два, три*, которые рассматриваются под видом лексических единиц. Их основной понятийный компонент включает в себя определенное число, употребляющееся в составе фразеологизмов. Нумеративные ФЕ репрезентированы во всех языковых культурах как проявление специфики ментального фразеологического восприятия мира, являясь особым самостоятельным сегментом культурно-понятийной системы.

Яркая образная мотивировка делает фразеологическое значение нумеративных ФЕ экспрессивным и эмоционально-оценочным, поэтому они легко могут включаться в речевую коммуникацию.

Числовой компонент фразеологизма играет определяющую роль в процессе символического смыслообразования в ФЕ и проявляет более высокий семиотический статус как знака в системе языка, обнаруживая свою связь с мифологическими, символическими, философскими и другими понятиями в культуре народов разных

языков. Символические значения числовых компонентов во фразеологизмах разных языков имеют тенденцию к преимущественному совпадению, однако это не исключает проявлений в них национальной специфики.

Список источников

1. **Алефиренко Н. Ф.** Лингвокультурология. Ценностно-смысловое пространство языка: учебное пособие. М.: Флинта, 2010. 288 с.
2. **Булдаков В. А.** Коннотация в знаменательной лексике и фразеологии современного немецкого языка (контентивно-менталингвистический подход): автореф. дисс. ... д. филол. н. СПб., 2011. 42 с.
3. **Вендина Т. И.** Средневековый человек в зеркале старославянского языка. М.: Индрик, 2002. 334 с.
4. **Кириллин М. В.** Символика чисел в древнерусских сказаниях XVI в. // Естественнонаучные представления Древней Руси: счисление лет. Символика чисел. «Отреченные» книги. Астрология. Минералогия: сборник статей / Академия наук СССР; Науч. совет по истории мировой культуры; отв. ред. Р. А. Симонов. М., 1988. С. 76-111.
5. **Кунин А. В.** Англо-русский фразеологический словарь. М.: Рус. яз., 1999. 512 с.
6. **Лубенская С. И.** Русско-английский фразеологический словарь. М.: Языки русской культуры, 1997. 1056 с.
7. **Маковский М. М.** Язык – миф – культура: символы жизни и жизнь символов. М.: Высшая школа, 1996. 399 с.
8. **Маслова В. А.** Когнитивная лингвистика. М.: ТетраСистемс, 2004. 256 с.
9. **Скоробутов Д. И.** Сопоставительный анализ количественных фразеологических единиц в современных западноевропейских языках: французском, итальянском, испанском и португальском: дисс. ... к. филол. н. М., 2004. 233 с.
10. **Телия В. Н.** Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. М.: Наука, 1988. С. 173-204.
11. **Топоров В. Н.** О числовых моделях в архаичных текстах // Структура текста / Академия наук СССР; Институт славяноведения и балканистики; отв. ред. Т. В. Цивьян. М.: Наука, 1980. С. 3-32.
12. **Цатурян М. М.** Имя числительное как важнейшая единица коммуникации // Междисциплинарные аспекты лингвистических исследований. Краснодар: КубГУ, 2016. Кн. 8. С. 133-138.
13. **Cowie A. P., Mackin R., McCaig I. R.** Oxford Dictionary of English Idioms: in 2 vol. London: Oxford University Press, 1993. Vol. 2. 686 p.

**FIGURATIVE AND SYMBOLIC CHARACTERISTICS OF NUMERALS ONE, TWO, THREE
IN THE ENGLISH AND RUSSIAN LINGUOCULTURES**

Tsaturyan Marina Martirosova, Doctor in Philology, Professor

Pelipenko Lyubov' Mikhailovna

Kuban State University, Krasnodar

tsaturyan.mm@mail.ru; lyboff07@mail.ru

The article is devoted to the study of cultural, symbolic and other characteristics of the numerals *one, two, three* peculiar to them in the process of the mythological stage of social development, which is preserved at the most in the texts of the traditional format and phraseology. The cognitive approach to the analysis of a number as one of the constants of the world culture, which is a logical and cultural phenomenon, allows revealing its conceptual characteristics as well as the peculiarities of the correlation between the language and the culture. The analysis and the identification of figurative characteristics associated with the interpretation of numbers, their national originality, demonstrate clearly how the symbolism is represented in the language and phraseological units of the analyzed linguocultures.

Key words and phrases: figurativeness; figurative motivation; number; numerative phraseological units; numerals; linguoculturology.

УДК 81'342

В статье рассматриваются перцептивные характеристики китайской коммерческой рекламы. Изучаются информативно нагруженные участки рекламы, звучащей на радио Китая. Экспериментальным путем обосновывается положение о том, что на восприятие радиорекламы оказывают влияние такие факторы, как продолжительность рекламного текста, а также длительность пауз.

Ключевые слова и фразы: восприятие; перцептивные характеристики; китайская коммерческая радиореклама; длительность паузы; информационная плотность текста; темп речи.

Чжан Цзяньвэнь

Амурский государственный университет, г. Благовещенск

Институт Хэйхэ, Китайская Народная Республика

5644060@qq.com

ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ КИТАЙСКОЙ КОММЕРЧЕСКОЙ РАДИОРЕКЛАМЫ

Рекламный дискурс в устной и письменной формах манифестации привлекает внимание широкого круга исследователей различных областей гуманитарного знания. В информационную эпоху рекламный дискурс, бесспорно, является одним из наиболее активно развивающихся типов дискурса. Его распространение обусловлено,